

И.П. Минаев

**Записки историко-филологического
факультета Императорского С.-
Петербургского университета.**

**Часть 16. Буддизм. Исследования и материалы.
Том 1. Выпуск 1-2.**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
И11

И11 **И.П. Минаев**
Записки историко-филологического факультета Императорского С.-Петербургского университета.: Часть 16. Буддизм.
Исследования и материалы. Том 1. Выпуск 1-2. / И.П. Минаев – М.: Книга по Требованию, 2024. – 268 с.

ISBN 978-5-4241-3632-0

ISBN 978-5-4241-3632-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригиналe, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

V. Бхархутская ступа. 1. Открытие памятника. — 2. Время сооружения. Предположения Кеннингтона. — 3. Когда ступа была разрушена? — 4. Географическое положение памятника. — 5. Комыбель буддизма. — 6. Буддизмъ въ западной Индіи. — 7. Сношениі Индіи съ западнымъ міромъ. — 8. Индійскіе пути и постоянные дворы. — 9. Путники у буддійскихъ святынъ. — 10. Иллюстраціи сказокъ. — 11. Значеніе жатакъ для буддиста. — 12. Индійскіе паломники. — 13. Хоженіе Господы. — 14. Хоженіе монаховъ. — 15. Буддизмъ виѣ Индіи	97—128
Приложеніе	129—134
VI. Бхархутские образа и надписи. 1. Трудность интерпретациіи памятника. — 2. Вопросъ объ отношеніи образовъ и надписей къ палійскому канону. — 3. Миѳи Чильдерса. — 4. Разборъ надписи. — 5. Общее описание ступы. — 6. Изображенія стражей міра. — 7. Ихъ описание въ каноническихъ книгахъ. — 8. Несходство изображеній съ описаніемъ. — 9. Значеніе слова <i>уакхо</i> въ надписяхъ и <i>уакхо</i> въ памятникахъ. — 10. Образъ зачатія. — 11. Образа жатакъ	137—155
Приложеніе	156—157
VII. Древне-буддійскій культь по бхархутскимъ барельефамъ. 1. Буддійскій культь на Цейлонѣ и на бхархутскихъ образахъ. — 2. Легенда о началѣ культа. — 3. Буддисты-міряне. — 4. Религіозное значеніе милостыни по буддійскимъ понятіямъ. — 7. Два вида даровъ. — 8. Дары общинъ и ихъ значеніе. — 9. Почитаніе вещественныхъ святынъ: Св. древа. — 10. Коло закона. — 11. Ступа и мощи.	161—184
Приложеніе	185—189
VIII. Преданія о буддійскомъ расколѣ. 1. Источники для исторіи раскола: Васумитра и Будджагхоса. — 2. Время Будджагхоси. — 3. Свѣдѣнія объ его жизни. — 4. Общій характеръ легендъ о немъ. — 5. Легендарная исторія Васумитры и время его жизни. — 6. Древнійший источникъ. — 7. Появленіе сектъ. — 8. Свѣдѣнія Дапавамсы. — 9. Рассказъ Васумитры. — 10. Причины раздора	193—212
Приложеніе	213—216
IX. Еретическія ученія. 1. Вопросъ о сущности святаго или архата. — 2. Значеніе вопроса и время его появленія. — 3. Еретическая мнѣнія и древнійшая литература. — 4. Соборъ при Капишнѣ. — 5. Записаніе ученія въ книги на Цейлонѣ. — 6. Заключеніе	219—240
Приложеніе	241—273
Бібліографіческий указатель	274—278
Поправки и дополненія 279—280

I.

ПЛАНЪ И СОДЕРЖАНИЕ НАСТОЯЩИХЪ ИЗСЛЕДОВАНИЙ.

1. Определение задачи. — 2. Жизнеописание первоучителя. — 3. Современная интерпретация легендъ. — 4. Преданіе о древнѣйшихъ судьбахъ буддійской общины. — 5. Общий выводъ. — 6. Задача историка буддизма.

Издаваемая первая часть изслѣдованій о буддизмѣ исключи-
тельно посвящена пересмотру старыхъ вопросовъ, о которыхъ
писано много и высказано не мало весьма ученыхъ и остроум-
ныхъ соображеній. Авторъ, тѣмъ не менѣе, счелъ для себя обя-
зательнымъ въ началѣ своихъ изслѣдованій обратиться въ эту
область научныхъ разысканій и вновь подвергнуть проверкѣ
выводы и положенія, едва-ли не общепринятые между новѣй-
шими изслѣдователями. Вполнѣ сознавая недостаточность до-
ступныхъ ему матерьяловъ, онъ не предполагалъ въ издавае-
мыхъ главахъ представлять читателю очеркъ древнѣйшихъ су-
дебъ буддизма или исторію буддійского канона. Но по его глубо-
кому убѣжденію, изложению религіозной системы, рассказу о ея
развитіи въ продолженіе болѣе двухъ тысячи лѣтъ и, наконецъ,
попыткамъ опредѣлить ея значеніе въ міровой исторії — безусловно
необходимо было предпослать нѣкоторое критическое разсмотрѣніе
имѣющихся извѣстій о древнѣйшихъ судьбахъ буддійской об-
щины и ея священныхъ писаній; опредѣлить характеръ этихъ
извѣстій, время ихъ появленій — представлялось ему вопросомъ
первостепенной важности въ области буддійскихъ изслѣдованій.
Отъ решенія этого вопроса въ томъ или другомъ смыслѣ нахо-
дится въ прямой зависимости опредѣленіе характера и времени

тѣхъ буддійскихъ памятниковъ, которые должны быть краеугольнымъ основаніемъ для послѣдующихъ разысканій.

Авторъ не начинаетъ своего разсказа изложеніемъ жизнеописанія буддійского первоучителя. Несомнѣнно, что въ началѣ великихъ историческихъ движеній всюду и всегда являются великія историческія личности. Такъ было, конечно, и въ исторіи буддизма, и его развитіи, безспорно, начинается дѣятельностью первоучителя.

За долго до появленія македонскихъ воиновъ на берегахъ Инда, въ глубинѣ восточного Индустана, въ недалекомъ разстояніи отъ подножія Гималаевъ, родился одинъ изъ величайшихъ аскетовъ и святителей Индіи. Онъ жилъ долго и умеръ, окруженный своими послѣдователями въ мѣстѣ, до сихъ поръ неотысканномъ археологами.

Онъ умеръ, но его дѣятельность не прошла безслѣдно для міра. Ученіе, завѣщанное имъ своимъ послѣдователямъ, не погибло, и уже не задолго до начала нашей эры, или вскорѣ послѣ того, проникло въ отдаленные страны за Гималаи и за Гиндукушъ, а еще позднѣе завоевало не только большую часть азіатскаго материка, но успѣло распространиться по многимъ островамъ Индійскаго океана.

О жизни этого міродержавнаго учителя, нынѣ миллионами разноязычныхъ и разноплеменныхъ людей, народами разныхъ расъ, чтимаго какъ богъ—почти что ничего неизвѣстно, но не по недостатку сказаній и легендъ. Буддисты ведутъ даже свое лѣточисленіе не со дня его рожденія, а съ года и дня его смерти; въ массѣ ихъ легендъ и преданій о немъ сказывается не стремленіе сохранить правдивый разсказъ объ его жизни, не историческое направленіе ума, а исканіе идеала вѣрующимъ сердцемъ, творчество религіознаго чувства.

Въ легендахъ—часто поэтическихъ, нерѣдко оригинальныхъ и странныхъ—характерное настроеніе общины аскетовъ высказалось вполнѣ; умомъ и сердцемъ они искали, чему молиться, что боготворить, и это настроеніе общины совершенно естественно

должно было придать определенную окраску всемъ легендамъ, бывшимъ въ обращеніи между аскетами и вѣрющими.

Легендъ и сказаний о жизни и дѣятельности первоучителя — необозримая масса. Рассказы о его жизни, проповѣди, его чудесахъ и хожденіяхъ по обширной Индіи дошли до насъ въ оригиналахъ и въ переводахъ на разныхъ языкахъ народовъ, понынѣ исповѣдующихъ буддизмъ. Но, несмотря на массу сказаний о жизни буддійского первоучителя, въ слѣдствіе сейчасъ указанного настроенія буддійской общины, вопросъ объ исторической личности мудреца изъ рода Сакјевъ, отъ котораго ведеть начало буддизмъ, остается по сіе времена открытымъ.

Большинство рассказовъ переполнено легендарными подробностями, чертами неправдоподобными или же въ высшей степени невѣроятными; научному біографу великаго Учителя предстоитъ имѣть дѣло съ источниками, неисторической характеръ которыхъ вѣдь всякаго сомнѣнія. И въ виду этого материала, изслѣдователь всего легче можетъ прійтти къ безусловно-отрицательному выводу, то-есть, объявить всѣ источники незаслуживающими никакого довѣрія, и такимъ образомъ вопросъ о жизни исторической личности мудреца изъ рода Сакјевъ будетъ какъ бы устранинъ, а не решенъ. Великая личность окажется объятою такимъ сумракомъ легендъ и вымысловъ, прояснить который невозможно, по недостатку средствъ: научная критика какъ бы вынуждена будетъ въ силу необходимости отказаться отъ разсмотрѣнія этихъ источниковъ, потому что ихъ характеръ исключаетъ всякую возможность историко-критического отношенія къ нимъ. Или тогъ же изслѣдователь сдѣлаетъ попытку отнести къ подлежащимъ ему источникамъ съ нѣкоторымъ довѣріемъ: онъ выдѣлить изъ нихъ весь легендарный материалъ, устранить изъ нихъ все, что, по его мнѣнію, невѣроятно и неправдоподобно, и прочистивъ такимъ образомъ свои источники, на основаніи фактовъ, по своей видимости достовѣрныхъ, создастъ образъ и подобіе учителя и аскета. Въ результатѣ, дѣйствительно, получится весьма правдоподобный рассказъ о романической жизни личности, поэти-

ческой и привлекательной по основнымъ чертамъ своего характера¹⁾.

Но затѣмъ, совершенно естественно у самого изслѣдователя долженъ же возникнуть вопросъ: въ моемъ разсказѣ, сочиненномъ съ помощью критическихъ пріемовъ, очевидно, очень не замысловатыхъ, есть ли хотя бы небольшая доля исторической Истины? Излагаю-ли я правдивую повѣсть о жизни исторической иичности, или только создаю правдоподобный, обще-индійскій образъ аскета и проповѣдника, рисую типъ, правдивость, вѣрность которого можно провѣрить и въ наши дни, приглядываясь къ обликамъ факировъ и подвижниковъ, бродящихъ по Индіи?

Отвѣтъ отрицательно на этотъ послѣдній вопросъ, то-есть, признать историческую вѣрность нарисованного типа, нѣтъ никакихъ основаній. Въ данныхъ для правдивой біографіи буддійского первоучителя всего менѣе личныхъ подробностей: правдоподобны и вѣроятны въ сказаніяхъ тѣ факты, которыми обрисовывается намъ не историческая индивидуальность, а общій типъ индійского аскета и подвижника.

По поводу тѣхъ же легендъ и разсказовъ высказывались мнѣнія совершенно противоположныя²⁾: эти разсказы и легенды не суть жизнеописанія съ примѣсью легендарныхъ вымысловъ; они — ничто иное, какъ эпическое прославленіе нѣкоего миѳологического и божественного типа. Всѣ событія, разсказанныя въ легендахъ, истинны, но не исторически вѣрны; разсказанныя событія и факты принадлежать не исторіи, а естественной миѳологии. Вѣдать и толковать ихъ должна не историческая критика, а миѳологическая интерпретація. Буддха въ легендахъ есть солярный миѳъ.

¹⁾ Такую попытку сдѣлалъ Олденбергъ въ своей книгѣ: *Buddha, Sein Leben etc.*

²⁾ Миѳологическую интерпретацію буддійскихъ сказаний читатель найдетъ въ книгѣ: *E. Senart, Essai sur la lѣgende du Buddha*, а также у *H. Kern, Der Buddhismus*.

Между крайнимъ отрицаніемъ всякаго значенія легендъ для исторіи буддійского первоучителя и попыткой отнести сь къ нимъ съ историко-критической точки зрењія есть, такимъ образомъ, ѓще третье направленіе, миѳологическое; интерпретируя миѳологическія подробности, вплетенные въ канву первичныхъ разсказовъ о жизни аскета и мыслителя, миѳологи думаютъ разгадать этимъ путемъ, какъ смыслъ буддійской легенды, такъ и самыи процессъ ея развитія.

Подбирая въ тѣхъ же рассказахъ біографическія подробности о своемъ героѣ, историкъ великаго мудреца весьма легко забываетъ, что уже въ старѣйшей по времени общинѣ, той общинѣ, которая была хранительницею древнѣйшаго преданія объ Учителѣ, ясно сказывается своеобразное, чисто-индійское отношеніе къ личности Учителя: послѣдователи не только благоговѣяно чтили его память, но и молились своему Учителю... Онъ сталъ объектомъ религіознаго отношенія весьма рано, а вслѣдствіе того совершенно естественно историческая правдивость преданія должна была мало по малу исчезать, подъ вліяніемъ міросозерцанія, преобладавшаго въ общинѣ: община стремилась къ обоговоренію Учителя; она хотѣла вѣрить въ него и молиться ему. Отсюда, совершенно понятно, почему въ преданіе была привнесена цѣлая масса миѳическихъ подробностей. Но ими, конечно, далеко не исчерпывается вся сущность легенды о Буддхѣ, и одна миѳологическая экзегеза, само собою разумѣется, не въ состояніи разъяснить ея роста и развитія.

Разъясненіе этому слѣдуетъ искать въ исторіи умственныхъ движений общини, въ послѣдовательномъ развитіи доктринъ, догматическихъ ученій, нарождавшихъ въ различныя эпохи въ буддійской общинѣ и волновавшихъ умы ея членовъ. Легенды разрасгались, видоизмѣнялись, конечно, не безъ вліянія на нихъ разныхъ ученій объ архатѣ или святомъ, Буддхѣ или вѣщемъ; въ нихъ мы имѣемъ своего рода исторію ученія о вѣщемъ и объ архатѣ.

Интерпретація легендъ, по всему сей часъ сказанному, должна

начинаться съ критики источниковъ, съ разъясненія, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, исторического развитія буддійского ученія о святомъ (т. е., объ архатѣ).

Но пока все это не сдѣлано, и при изложеніи жизнеописанія мудреца изъ рода Сакјевъ изслѣдователю осторожному необходимо ограничиваться весьма скучными, наиболѣе достовѣрными фактами.

Считая ихъ общеизвѣстными, передавать ихъ здѣсь почитаемъ излишнимъ.

Начиная свое лѣтосчисленіе съ года смерти первоучителя, буддисты отсюда-же начинаютъ и исторію своей общины; и объ ея древнѣйшихъ судьбахъ ихъ преданіе сохранило два рода извѣстій; оба рода извѣстій одинаково важны, ибо проливаются нѣкоторый свѣтъ на древнѣйшій періодъ литературной исторіи буддизма.

Извѣстія эти, однакоже, не современны тѣмъ событиямъ, о которыхъ они повѣствуютъ. Преданіе, быть можетъ, очень древнее, — является въ памятникахъ очень позднихъ, т. е. оно предлежитъ изслѣдователю въ литературныхъ произведеніяхъ, появившихся черезъ много столѣтій послѣ самаго факта.

Изслѣдователю, такимъ образомъ, предстоитъ сдѣлать оцѣнку того, насколько это, предположительно древнее преданіе, при передачѣ его въ позднихъ источникахъ сохранило исканныхъ, болѣе или менѣе правдивыхъ чертъ, а затѣмъ, разъяснить, въ какой степени оно важно для литературной исторіи.

Въ первые вѣка буддійской исторіи преданіе отмѣчаетъ два важныхъ события: 1) такъ называемые соборы святителей и аскетовъ, и 2) раздоры въ общинѣ, закончившіеся ея распадениемъ на секты.

Обыкновенно, при изслѣдованіяхъ о времени буддійскихъ памятниковъ, извѣстіямъ о соборахъ придаютъ наибольшую важность, и вопросы хронологические разрѣшаются на основаніи свѣдѣній объ этомъ событии; извѣстія же о сектахъ отодвигаются на второй планъ, самому факту не придается надлежащаго зна-

ія и не безъ ущерба для всесторонности и обстоятельности изслѣдованія.

При этомъ какъ будто совершенно забывается, что о дѣянности святителей и аскетовъ на соборахъ рассказывается въ змѣтникахъ, появившихся гораздо позднѣе самаго событія, что характеръ разсказа совершенно ясно изобличаетъ нѣкоторую, и совершенно понятную вся кому безпредвзятому читателю, тенденціозность.

Нѣсколько иной и болѣе правдивый характеръ имѣютъ извѣстія о происхожденіи сектъ и ихъ ученіяхъ. Правда, эти извѣстія сохранились въ памятникахъ позднихъ, не современныхъ первому появленію раскола въ буддійскихъ общинахъ. Но предлагать тенденціозность въ этихъ разсказахъ — гораздо труднѣе. Іачѣмъ нужно было вѣрюющему буддисту возводить начало разоровъ въ глубокую древность? утверждать, что расколъ въ общинѣ появился на самой зарѣ ея существованія? Измышлять такие факты было прямо не въ интересахъ людей, утверждавшихъ, что законъ есть слово Вѣщаго, что въ трехъ питакахъ нѣть ничего такого, что не было бы глаголомъ Вѣщаго. Не очевидно ли, что преданіе, разсказывая о происхожденіи сектъ, сообщаетъ свѣдѣнія о фактѣ историческомъ, вполнѣ достовѣрномъ?

Руководясь сейчасъ намѣченными соображеніями, авторъ начинаетъ свое изслѣдованіе разсмотрѣніемъ преданія о соборахъ, и затѣмъ переходитъ къ извѣстіямъ о происхожденіи сектъ.

Изслѣдованіе, по необходимости, должно было сводиться къ совершенно частному разысканію, главнымъ образомъ, о достовѣрности цейлонскаго преданія о судьбахъ палійского канона, потому что только это преданіе известно въ достаточной полнотѣ, и въ настоящее время только палійскій канонъ можно рассматривать во всей его цѣлости; о другихъ канонахъ пока известно мало, и притомъ изъ переводовъ, въ которыхъ даже оригинальныя заглавія не всегда возстановлены съ желанною точностью.

Разборъ и критическое разсмотрѣніе сказаній о соборахъ привели автора къ выводу, не согласному съ положеніями, нынѣ принятymi большинствомъ изслѣдователей. Въ основаніи этихъ легендъ, несомнѣнно, лежитъ преданіе объ историческомъ фактѣ; но сказанія передѣльвались и разукрашались въ духѣ и согласно съ требованіями позднѣйшей буддійской догматики, и въ нихъ нѣтъ никакихъ непререкаемыхъ указаній на существованіе палійскаго или какого либо иного, до насъ дошедшаго канона въ тѣ отдаленные времена, о которыхъ они повѣствуютъ.

Недостаточность доступнаго ему материала заставила автора, при разсмотрѣніи извѣстій о происхожденіи сектъ, ограничить свои изслѣдованія самыми общими обзоромъ и притомъ только выдающихся спорныхъ вопросовъ, разъединявшихъ буддійскую общину въ первыя столѣтія ея существованія.

Въ концѣ этихъ своихъ разысканій авторъ пришелъ къ результату, несостоящему въ противорѣчіи съ сейчасъ упомянутымъ выводомъ относительно древности палійского канона.

Первыя по времени указанія на существованія буддійскихъ каноническихъ писаній находятся не въ литературныхъ произведеніяхъ буддистовъ, а въ монументальныхъ памятникахъ, напр., въ извѣстной байратской надписи, не безъ основанія приписываемой Асокѣ Великому, а также въ нѣкоторыхъ надписяхъ бхархутской ступы. Но изъ этихъ фактовъ нельзя сдѣлать никакого положительнаго заключенія о существованіи палійского канона или языка въ эпоху современную этимъ памятникамъ.

Цѣль настоящихъ разысканій не полемическая: они не имѣютъ своею задачею безусловное отрицаніе всякаго значенія преданія или древности буддійскихъ писаній. Напротивъ, авторъ полагаетъ, что въ преданіи, иногда даже позднемъ, всегда сохранилось нѣчто драгоцѣнное и отчасти правдивое; слѣдуетъ только правильно отнестись къ его извѣстіямъ и не забывать, что весьма часто преданіе, подъ вліяніемъ совершенно очевидной тенденціозности можетъ искажать историческій, достовѣрный фактъ.

Такое искаженіе заподозрѣно въ цейлонскихъ и другихъ